

№ 7

ПРАВОСЛАВНАЯ ГАЗЕТА ГОРОДА ШАРЬИ

ШАРЬИНА

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 27 АПРЕЛЯ
2003 ГОДА

"Моисей же взял и поставил себе шатер вне стана, вдали от стана, и назвал его скинию собрания; и каждый, ищущий Господа, приходил в скинию собрания, находившуюся вне стана."

(Исх. 33:7)

По благословиению Александра, архиепископа Костромского и Галичского

СВЕТ ВОСКРЕСЕНИЯ ХРИСТОВА

СЛОВО,
сказанное в Преображенской церкви г. Москвы в день Святой Пасхи

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

С каким великим торжеством приветствую я вас, мои дорогие! Со светом Воскресения Христова, которым озаряется вся вечность, который всегда есть и будет светом животворным и спасительным, радостным, священным, драгоценным для верующего человека.

В словах «Христос воскрес» — воистину воскрес — заключено все, чего ищет наш разум и жаждет наше сердце: полное торжество истины и правды!

С Воскресением Христовым воскресла на земле святая истина и посрамилась всякая ложь. Истины не было в долгие, томительные ветхозаветные века. Лукавый, грешный мир променял открытую ему истину на ложь. Все виды суеверий и заблуждений были распространены на земле. И люди верили во всякие нелепости, кланялись идолам, придумывали ложных богов, боготворили даже свои собственные страсти и пороки. Жили, руководствуясь одними чувствами и плотскими побуждениями, и умирали без надежды лучшей, вечной жизни.

Даже тот народ Божий — иудеи, — которому было вверено хранение истины, сумел только в отдельных избранниках соблюсти то, что ему было открыто. Фарисеи омрачили истину Божию тьмой суеверных преданий человеческих. Книжники спорили о букве Писания, не постигая его духа и силы. Саддукеи отвергли надежду бессмертия. Как говорит Слово Божие: «Все уклонились, сделались равно непотребными» (Псал. 13, 3).

И когда Сам Носитель Истины пришел в мир, «мир Его не познал. Пришел к своим, и свои Его не приняли» (Иоан. 1, 10—11).

Истину Божию ругали, осмеивали, предали мукам, пригвоздили к кресту и по-

гребли во гробе. Разве это не казалось полным торжеством лжи и преступных заблуждений.

Но воскрес Христос! И истина Божия воссияла своим полным немеркнущим светом.

Теперь всякий, кто желает знать о Боге и Его существе, о Его любви и милосердии, о Его премудрости и всемогуществе; все, что хочет знать человек о себе самом, о происхождении, о судьбе и назначении, о мире видимом и невидимом, — все открыто ясно Воскресением Христовым. Это — величайшее событие! Это — величайшая победа! Это — утверждение всех истин нашей святой веры, данных нам в Слове Божием.

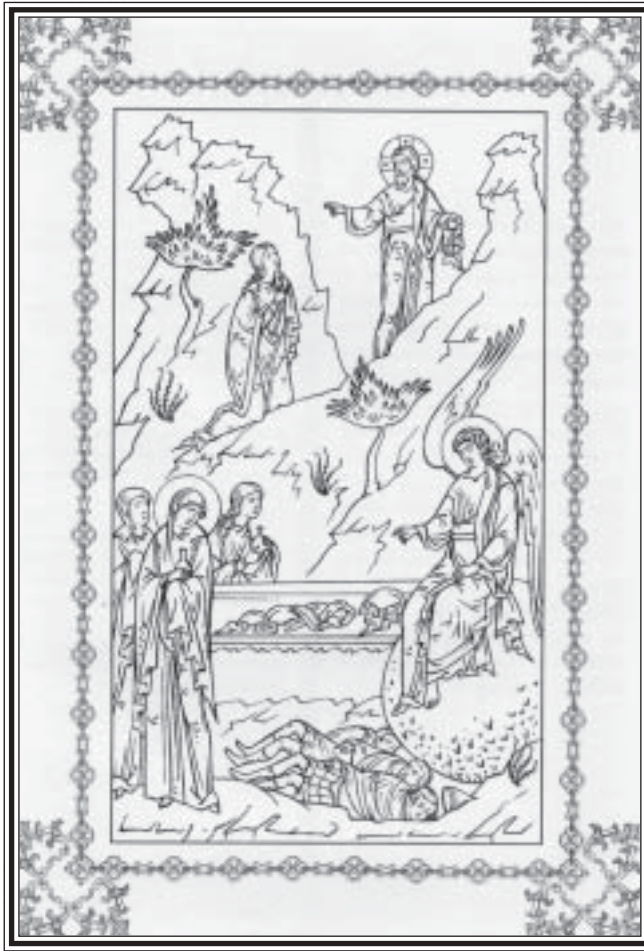
Какая радость для каждого из нас! Какой восторг охватывает сердце перед раскрытой вечностью для каждой бессмертной души! «О, Пасха велия священнейшая Христе, о мудросте и Слове Божий и сило! Подавай нам истее Тебе причащаться в невечернем дни Царствия Твоего» — поет сегодня Святая Церковь.

Христос воскрес. Воскресли с Ним правда и добродетель. Сколько было зла, беззаконий, преступлений, скверн, лукавства, какими ни загрязнилась бы земля за долгие годы Ветхого завета. И самую Правду Божию, самую Святость Божию, когда она явилась на земле во образе Иисуса Христа, человеческая злоба гнала и преследовала вплоть до креста.

Надолго ли было это мнимое торжество? Предчувствовал предатель, что продает собственную душу диаволу? Предвидел ли безумный народ, что кровь Праведника испепелит его столицу? Предвидел ли сам диавол, что воздвигнутый по его наущению крест поразит его самого в главу?

Но воскрес Христос! И поруган ад, диавол, злоба и нечестие. В этом событии, которое мы празднуем сегодня, вечное торжество правды.

Теперь, после земной жизни Господа Иисуса Христа и

Воскресения Христова, добродетели в людях достигают величайшей высоты. Святые люди светятся даже видимым светом своей святости. Праведники достигают пределов возможной для человека чистоты силой Воскресшего Христа и блистают своей праведностью.

Теперь мы знаем, что все земное останется по эту сторону гроба, и свет Воскресения Христова говорит нам о том, что ожидает нас за гробом. Преходят все временные радости и скорби, но никогда не пройдут радости вечные.

Этим светом Воскресения Христова освещайте вашу жизнь, дорогие, в нем находите для себя отраду и твердую уверенность в вечной жизни. О, какой чудный день славы, не знающий вечера и мрака, ожидает всякого истинного христианина в Царстве Небесном! Какое это

вожделеннейшее Царство, где нет и тени порока и неправды, где живет единая правда! Какая это блаженнейшая жизнь, где нет ни болезни, ни воздыханий, ни самой смерти!

Христос воскрес и положил начало этой жизни. Христос воскрес и зовет всех нас идти за Собой к этой жизни.

Будем же идти за Ним до последнего вздоха!

Да живет Воскресший Христос в наших сердцах, и в радости Светлого Праздника пусть потонут наши заботы, тревоги, скорби, какие у кого есть.

Христос воскрес — воистину воскрес!

митр. Николай
(Ярушевич)

1 По прошествии субботы Мария Магдалина и Мария Иаковлева и Саломия купили ароматы, чтобы идти помазать Его.

2 И весьма рано, в первый день недели, приходят ко гробу, при восходе солнца,

3 и говорят между собою: кто отвалит нам камень от двери гроба?

4 И, взглянув, видят, что камень отвален; а он был весьма велик.

5 И, войдя во гроб, увидели юношу, сидящего на правой стороне, облеченного в белую одежду; и ужаснулись.

6 Он же говорит им: не ужасайтесь. Иисуса ищите Назарянина, распятого; Он воскрес, Его нет здесь. Вот место, где Он был положен.

7 Но идите, скажите ученикам Его и Петру, что Он предваряет вас в Галилее; там Его увидите, как Он сказал вам.

8 И, выйдя, побежали от гроба; их объял трепет и ужас, и никому ничего не сказали, потому что боялись.

9 Воскреснув рано в первый день недели, Иисус явился сперва Марии Магдалине, из которой изгнал семь бесов.

10 Она пошла и возвестила бывшим с Ним, плачущим и рыдающим

(От Марка 16 гл.)

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Всеми жителями нашего края празднуется сегодня светлый праздник Пасхи Христовой. Желаю всем верующим в этот день встретить воскресшего Господа достойно высокого звания христианина.

Христос сказал своим ученикам: «Вы — свет мира». И этот свет должен просветить всех, кто еще не обрел истинную веру в Бога.

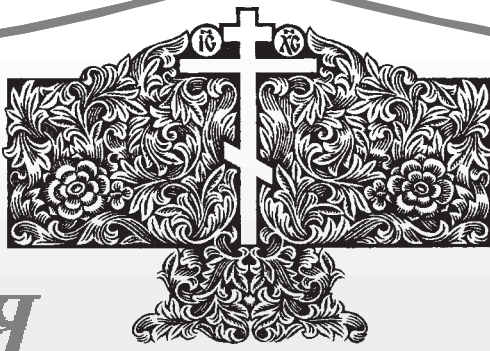
Встретим же этот день с радостью духовной и доставим эту радость тем, кто нас окружает и прежде всего нашим близким.

Христос воистину воскрес!

Настоятель
Свято-Никольского храма
г. Шарьи
священник
ДИМИТРИЙ СТЕПАНОВ

«Адония же, боясь Соломона, встал и пошел, и ухватился за роги жертвенника».

(3 Цар. 1:50)

«Благословен Господь Бог Израилев, что посетил народ Свой и сотворил избавление ему, и воздвиг рог спасения нам в дому Давида, отрока Своего».

(Лук. 1:68-69)

РОГ СПАСЕНИЯ

«Останусь жив, построю храм...»

Эй, что там за организм ползет! - покрикивает священник Николай Кравченко на одного из курсантов. - Таз к земле прижми, а то его очередью срежут!

Недалеко от Троице-Сергиевой Лавры проходят полевые занятия курсантов военно-патриотического клуба «Пересвет», организованного для трудных подростков Сергиева Посада священниками и лаврскими насельниками - ветеранами афганской и чеченской войн. После того как священники отслужат в церквях Божественную литургию, они спешат в клуб, к своим юным воспитанникам.

- Кем легче командовать - взрослыми или детьми? - интересно я у отца Николая.

- А я не чувствую никакой разницы, - серьезно отвечает батюшка. - Военным я был, военным и остался, несмотря на то, что сменил мундир с погонами на рясу и крест. Служение-то у меня одно - Отечеству...

Морозным январским утром 1994 года диверсионно-разведывательная группа спецназа ВДВ под руководством старлея Ушакова и лейтенанта Кравченко укрывалась от преследовавших ее отрядов «ичкерийских волков» в полуразрушенном здании госуниверситета Чечни, что недалеко от площади Минутка. Здание содрогалось, словно огромный улей, от свиста пуль и взрывов. На одном из этажей дюжие спецназовцы наткнулись на пехотинцев-срочников, также нашедших здесь пристанище. Командир пехоты - капитан - едва не прослезился:

«Вы как раз вовремя! У нас столько что кончились все патроны!»

В этом кипящем котле оборону держали целые сутки. Лейтенант Николай Кравченко, за меткий глаз и твердую руку прозванный Чукчей-снайпером, шелкал, как орешки, из своей винтовки чеченских «коллег». А в коротких передышках, в столь непривычной для уха тишине, вспоминал свой родной, такой далекий поселок Ламутское на берегу Охот-

ского моря, да в глубине души жалел этих сопливых пацанов, ждавших от спецназовцев, словно от старших братьев, защиты. Ведь свои звездочки на погоны Николай получил аж в тридцать лет, после того как окончил ускоренные офицерские курсы. И сразу написал рапорт в Чечню. Под стать ему были и его товарищи из диверсионной группы.

- Когда через сутки стало ясно, что подмоги не будет, а патроны на исходе, у многих появилось чувство обреченности, - вспоминает Николай. - И тогда я взмолился, верно, первый раз в жизни: «Господи, сделай так, чтобы мы вырвались живыми из этого ада! Если останусь жив - построю Тебе храм!»

Оказавшись в безвыходном положении, спецназовцы и офицер-пехотинец посоветались и решили пойти на прорыв кольца чеченского окружения. Хотя не было уверенности, что хоть кто-нибудь останется после такого безумного прыжка живым. Тем более с этими вояками-срочниками, от которых, по словам Николая, за версту мамкиными пирожками пахло. И они рванули навстречу превосходящему их в численности противнику. В ответ на завывания врага - «Аллах акбар!» - они на едином дыхании кричали: «Христос воскрес!» И эти крики заглушали страх. Они сошлись с «чехами» в рукопашной, когда уже не было выстрелов, а слышались лишь боевые выкрики, предсмертные хрипы заколотых и задуренных - хруст костей и проломленных черепов.

И они прорвались. Все до единого. И вскоре уже «зализывали» раны в месторасположении российских войск...

В 95-м, во время краткосрочного отпуска, Николай оказался в Москве. И решил съездить в Сергиев Посад, так как давно слышал о прозорливом старце Троице-Сергиевой Лавры отце Кирилле, который ввремя Великой Отечественной был одним из героев обороны Сталинграда.

- Я подробно исповедался у старца. А он вдруг спрашивает:

«А что еще? Вспомни, может быть, Богу чего обещал?» И тут-то я вспомнил о том, что совершенно выпало из памяти - и про свою мольбу в полуразрушенном здании, и про свое обещание построить церковь, если останусь живым... На прощание я попросил у отца Кирилла благословения на возвращение в Чечню. «Твоя война закончилась, оста-

вайся здесь», - ответил старец. «Это невозможно, батюшка! Ведь я единственный снайпер в нашей бригаде. Да и монахом я вовсе не хочу быть. Мне проще по зубам дать, чем смиряться», - заупрямился я... Сейчас-то я понимаю, что от слова больше противников поляжет, также словом и больше людей спасешь...

На войну он не поехал. Уволился в запас и действительно остался в монастыре. Но монахом так и не стал. Подвизался звонарем на большой колокольне Лавры, вынашивая мечту вернуться в родной чукотский поселок и отстроить там храм. А чтобы не стоял храм пустым (в тех местах священников днем с огнем не сыщешь) - самому служить в нем. Но прежде чем стать священнослужителем, нужно подыскать себе невесту. А время идет, ему уже 35... Да и где ее взять-то при суровом монастырском режиме?

На очередной исповеди у старца Кирилла Николай в сердцах махнул рукой: «Да уж какая там невеста - сказки все это!» «Сказки, говоришь?» - старец внимательно посмотрел на звонаря. - А что у нас через два дня?» - «Рождество», - «А ты знаешь, что на Рождество сказки сбываются?»

В Рождественскую ночь в колокольню пришли колядовать девушки - студентки регентского отделения Духовной семинарии. Там он и познакомился с Еленой, с которой вскоре обвенчался. Но прежде предупредил, что собирается возвратиться на Чукотку. Она была согласна хоть на край света.

С момента обретения семьи, как и со дня обретения веры, у Николая появился новый смысл жизни. Однако, даже рукоположившись в священники, он внутренне так и остался тем воином, которым был когда-то. И, видно, не случайно его первенец родился почти в День ВДВ. «Надо же так случиться, два дня не доносила до праздника!» - сокрушается отец Николай. Сына назвал Александром в честь Александра Невского. «Мечтаю, чтобы он, когда вырастет, защищал Родину с оружием в руках, - признается батюшка. - Ну а коли не оружием,

то Отечество можно защищать и словом, и молитвой...»

На вторую чеченскую Николай Кравченко - иерей Николай - собирался ехать уже не с автоматом, а с крестом. Случилось это летом позапрошлого года. Три недели он ездил по передовой. И главный вывод, к которому он там пришел: в окопах атеистов нет. Батюшку везде встречали «на ура». В одной только 74-й бригаде он окрестил 110 человек. Валился от усталости с ног, но был безумно счастлив. Именно в этой, 74-й бригаде, отец Николай начинал когда-то ту, первую чеченскую войну. И сейчас, встретив своих боевых товарищей, не удержался и спросил: «А снайпером ты у нас есть?» - «Да разве ты снайпер!» - ответствовали они.

- И винтовку-то в руках едва научились держать... Вот Чукча-снайпер - то снайпер был!»

- В одном из чеченских селений я высадился с бронетранспортера, чтобы купить у русской женщины минералки. И тут ко мне подошел знакомый мужчина в пятнистой спецназовской форме. «Как здорово и неожиданно здесь встретить русского батюшку!» - воскликнул военный. - «Ну, дак...», - отвечаю. - «А вы откуда?» - «А вы откуда?» - спрашивает незнакомец. - «Из Сергиева Посада». - «Троице-Сергиева Лавра? Знаю!» - «А вы сами откуда?» - тоже интересуюсь. - «Со спецназа ВДВ». - «Очень хорошо, - констатирую я. - Я тоже в этом подразделении служил». - «Не может быть! Мой позывной в прошлую войну был Кабан. А у вас какой?» - «А мой - Чукча-снайпер». Смотрю - мой собеседник

аж подпрыгнул. - «Так это ты?! Батюшка, я, честное слово, ничего не понимаю... - он едва не задохнулся от смехотворения. - Ну надо же! Всю прошлую войну я хотел познакомиться с Чукчей-снайпером!» - «А чем же это я так выделился?» - удивился я. - «А ты мне во время штурма Грозного, в январе 94-го, на площади Минутка жизнь спас. Тогда кто-то из наших со стороны университетского здания уложил чеченских снайперов, под прицелом которых я находился. Я потом по своим каналам узнавал, кто же это меня выручил. Сказали - Чукча-снайпер... Бывают же в жизни чудеса!»

Андрей ВИКТОРОВ
Сергиев Посад.
(«Гудок» 26.02.2003г.)

ПАСХАЛЬНЫЕ ВЕСТИ

Весть, что люди стали мучить Бога...
К нам на север принесли грачи...
Потемнели хвойные трупцыбы,
Тихие заплакали клочки.

На буграх камни обнажили
Лысины, прикрытые в мороз,
И на камни стали падать слезы
Злой зимой ошипанных берез.

И другие весты, горше первой,
Принесли скворцы в лесную глушь:
На Кресте распятый, всех прощая,
Умер Бог, Спаситель наших душ.

От таких вестей ступились тучи,
Воздух бурным зашумел дождем
Поднялись, морями стали реки,
И в горах пронесся первый гром.

Третья весть была необычайна:
Бог воскрес и смерть побеждена!
Эту весть победную примчала
Богом воскрешенная весна...

И кругом луга зазеленели,
И теплом дохла грудь земли,
И, внимая трелям соловьиным,
Ландыши и розы зацвели!

Я. ПОЛОНСКИЙ

«Но к месту, какое изберет Господь, Бог ваш... чтобы пребывать имени Его там, обращайтесь, и туда приходите». (Втор. 12:5)

«Не за песни весны над равниною
Дорога мне зеленая ширь —
Полюбил я тоской журавлиною
На высокой горе монастырь.»

С. Есенин

ПАЛОМНИК

НА ЗЕМЛЕ СВЯТОГО ИРИНАРХА

Наши монастыри — величественные и строгие хранители чистоты православной веры, молчаливые свидетели российской истории, человеческих подвигов и падений. Массы паломников стремятся в святые обители, чтобы питать свою душу и укрепляться в спасительной вере.

Восемнадцать километров от Ростова Великого по дороге на Углич находится Борисо-Глебский мужской монастырь, основанный в 1363 году по благословению преподобного Сергия Радонежского, прославленный многими его насельниками.

В Борисо-Глебском монастыре в течение 38 лет подвизался великий подвижник 16-17 столетий преподобный Иринарх-затворник. Из 38 лет монашеской жизни 30 лет Преподобный провел в затворе, являя пример добровольного мученичества ради Христа. Босой, в рубище, увешанный тяжелыми металлическими веригами и оковами, он неустанно молил Бога за всех обиженных, за поработанное Отечество. Его советам и предсказаниям внимал царь Василий Шуйский. Князь Михаил Скопин-Шуйский получил от преподобного Иринарха крест и благословение на борьбу с поляками. В 1612 году у кельи преподобного приняли от него благословение на поход на Москву и медный крест знаменитые ополченцы Минин и Пожарский.

Недалеко от села Кондакова (примерно в 40 километрах от монастыря) руками преподобного Иринарха был выкопан колодчик, из которого вот уже более четырех веков бьет источник чистой воды. О целебных свойствах этой воды, о чудесах, совершавшихся у источника, собрано немало свидетельств.

По благочестивой традиции монастырская братия и многочисленные паломники совершают к этому источнику крестные ходы ежегодно. Отправляются ив путь 24 июля и за три дня достигают села Кондаково.

Минувшим летом этот нелегкий крестный путь прошла вместе с другими паломниками и наша землячка Анна Николаевна Сычева. Своими впечатлениями и переживаниями она поделилась с нашим корреспондентом Светланой Моисеевой.

— С чего все началось? Как у Вас возникла идея присоединиться к крестному ходу?

— Все началось с экскурсии-путешествия по городам Золотого Кольца. Тогда я впервые оказалась в Ростове на территории Борисо-Глебского монастыря. Нашим экскурсоводом был игумен отец Иоанн. Из его содержательного рассказа я узнала об истории обители, о святом подвижнике Иринархе, о традиции крестных ходов. А еще почувствовала необыкновенную благодать тех мест. Уезжать не хотелось... По прошествии некоторого времени я ощутила неодолимое желание вернуться в монастырь, еще раз окунуться в его молитвенно-благодатную атмосферу, еще раз услышать братское пение, какого я нигде ранее не слышала.

А тут как раз узнала о Всероссийских Иринарховских чтениях и отправилась в Ростов, чтобы принять в них участие. Это очень грандиозное многолюдное мероприятие. Тут были священнослужители, ученые мужи: доктора наук, профессора; писатели, художники, педагоги, военные. Было много интересных докладов, выступлений, встреч.

— А не было ощущения, что попали на сложный для восприятия научный симпозиум? Лишней себя не почувствовали?

— Нет. Ничуть. Как раз наоборот. Все это представительное общество говорило о том, что близко моему сердцу. Все эти умные титулованные, владеющие ораторским искусством люди говорили на понятном мне языке. Поэтому нынешней зимой я опять была на Иринарховских чтениях.

— А в промежутке между чтениями, летом 2002 года, отправились с крестным ходом от монастырских стен к источнику святого Иринарха?

— Да. Зрелище крестного хода необычайно торжественно. Впереди фонарь, крест, хоругви, за ними чтимая икона преподобного Иринарха, которые несут монахи и священнослужители, а далее мы — паломники.

— Много ли собралось паломников?

— На мой взгляд, человек семьсот, а может и больше. И все шли с молитвами, без посторонних разговоров.

Все три дня нашего нелегкого пути стояла сильная жара, на небе — ни облачка, под ногами — раскаленный асфальт, то поле, то лесная тропа.

Физическая усталость, конечно, давала о себе знать, ныли стертые в кровь ноги, но как легко, светло и радостно было на душе от своей причастности к этому пути. Какой был необычайный молитвенный настрой, какое единение и взаимная поддержка идущих. Такое в повседневной жизни встречается, увы, чрезвычайно редко.

— Часто ли останавливались?

— Останавливались в каждом селе для молебнов с водосвятием перед разрушенными храмами. А в действующих храмах служились Литургии.

Очень доброжелательно встречали нас жители тех мест, молились с нами, потчевали нас. До чего ж вкусна была картошечка вареная с малосольными огурцами, которые выносили нам сельчане. Ели все одно и то же: и священники, и миряне. На ночлег тоже устраивались одинаково: на земле, так все на земле, на полу, так все в таких же условиях.

— Людей какого возраста среди вас было больше всего?

— Были и пожилые люди, и молодежь. Очень много детей: от полуторагодовалых и старше. Они делили все тяготы пути наравне со взрослыми. Не слышно было ни плача, ни капризов. Такие вот чудеса творит с нами Господь.

— Цельбоносные металлические вериги преподобного Иринарха Вам тоже довелось примерить?

— Довелось. Очень тяжело! Но я смогла в них совершить три земных поклона. Некоторым и это не удавалось. А нести их на себе хотя бы какое-то время решались единицы. Но монахи несли все эти кресты и цепи на себе. Удивляешься их стойкости. Жара, черное с головы до пят одеяние, не слишком удобная обувь, а они идут бодрые, с молебными песнопениями. Это подстегивало и мою волю. Поэтому, когда казалось, что последние силы покинули, и каждая клеточка болит от усталости, я просила св. Иринарха: «Помоги моей немощи, укрепи во мне веру».

— Да и выхода другого не было, только идти: либо вперед, либо назад!

— Выход как раз был предусмотрен. За нами следовал автобус. В любой момент можно было в него сесть и следовать за крестным ходом на колесах. Можно было также вернуться в Ростов на автобусе. Можно было съездить туда на ночлег, а затем вернуться и присоединиться к шествию. К нашим услу-

гам была и машина скорой помощи на случай, если кому-то станет плохо. Но к медикам за помощью, насколько я помню, никто не обращался.

Преподобный Иринарх помогал преодолевать трудности крестного пути. Зачастую он виделся нам во главе длинной людской вереницы. И это придавало физических сил. Ну а такой высоты и глубины духовных ощущений, как там, я еще никогда не испытывала. Вот, что значит соприкосновение с благодатью Божией.

Для некоторых именно этот крестный ход открыл путь к вере, к жизни с Богом. Отправляясь в путь из любопытства, они приходили к колодчику преподобного Иринарха другими: обновленными, преображенными, одухотворенными.

— Три дня — как целая жизнь?!

— Что-то вроде того. Когда мы дошли до Кондакова, достигли цели нашего многотрудного пути — святого источника — такая необыкновенная радость переполняла нас. С водосвятием молились, а затем набирали эту воду, умывались ею, купались.

— Не могу не спросить об исцелениях. Были?

— Чудес здесь было немало. Сильна водичка, руками Преподобного вызволенная из земли. Я сама была свидетелем избавления женщины от одержимости. Как она каталась по земле, какие страшные ревушие звуки издавала ее гортань! А сила в ней открылась прямо-таки богатырская. Пытавшиеся сдержать буйство этой женщины, не могли с ней справиться. А потом вдруг все прошло. Она встала, оглядела всех ясным спокойным взглядом и никак не могла затем поверить рассказам о приключившемся с ней.

Объяснить такие вещи с позиций здравого смысла трудно. Также, пожалуй, трудно объяснить, почему некоторое время после возвращения домой я никак не могла перестроиться на привычный уклад здешней жизни. Я все время ловила себя на мысли, что хочу вернуться туда, где так светло и благо-

датно было душе, где молитва струилась также легко и естественно, как дыхание.

Монастырь

Крестом высоким осененный,
Вдали от сел и городов
Один стоишь ты, окруженный
Густыми кучами деревьев.
Вокруг глубокое молчанье,
И только с шелестом листов
Однообразное журчанье
Живых сливается ручьев,
И ветерок прохладный веет
И тень бросают деревья,
И живописно зеленеет
Поляна высокая трава.
О, как сыны твой счастливы!
В твоём безмолвии святом
Они страстей своих порывы
Смирили бдением и постом.
Их сердце отжило для мира,
Ум суетою незнаком,
Как будто светлый ангел мира
Их осенил своим крестом.
И внемлет Вечное Бог-Слово,
Их тяжкий труд благословив,
Святых молитв живое слово
И гимнов сладостных призыв.

И. Никитин

«А посеянное на каменистых местах означает того, кто слышит слово и тотчас с радостью принимает его, но не имеет в себе корня и непостоянен».

(Матф. 13: 20-21)

«Нет во всей России, а может быть, на Земном шаре, никого более коренного по вкусу, по укладу, по организации души, чем костромичи».

П. Флоренский

УКОРЕНЕНИЕ

ВОЗДУХ ВЕЧНОСТИ

Окончание.
(Начало в № 5-6)

ИЖЕ ХЕРУВИМЫ

Об истории деревянного храма свт. Николая ст. Шарья известно немного. По некоторым данным он просуществовал чуть более десяти лет с 1916 по 1928-29 годы. Церковь была в конце 20-х не просто разорена и закрыта, но и переоборудована под клуб. Местные власти решили приурочить открытие клуба к празднику Пасхи, чтобы разыграть в пасхальную ночь на клубной сцене кощунственную сценку антирелигиозного содержания.

Для завершения реконструкции было необходимо соорудить на месте алтаря храма деревянный помост, где и должно было состояться упомянутое действо.

К этой работе привлекли четверых мужчин-плотников и среди них жителя деревни Филино Зайцева Ивана Лавровича.

Ни о каком отказе от выполнения поручения, разумеется, не могло быть и речи: в то страшное время многих людей забирали, сажали и расстреливали без суда и следствия по самому ничтожному поводу.

Близкое знакомство Екатерины Ефимовны Панковой с Иваном Лавровичем состоялось во время войны, в тот год, когда семьей Панковых был приобретен у него дом в деревне Филино.

Однажды в доверительной

беседе с Екатериной Ефимовной Иван Лаврович сообщил ей некоторые важные подробности одного из поразительных событий тех дней:

— Нам дали задание, чтобы к субботе сцена была готова. Пришли мы и с четверга на пятницу делаем эту сцену... Сначала внутри храма как бы заходил легонький ветерочек прохладненький... И вдруг ровно в 12 часов запели «Иже херувимы»!.. А в церкви-то никого нет! У нас у всех волосы поднялись. Схватили мы шапку в охапку — и бегом из церкви. Днем мы были вынуждены вернуться. Ведь мы не сделали ничего. Пришло к нам начальство с проверкой: «Почему ничего не сделано? Задание дано было вам, а вы не сделали!» Ну уж мы тогда только и сделали...

КРАСНАЯ ПАСХА

В пасхальную ночь на этой сцене готовились выступить местные «артисты». Одна из учительниц, что постарше, нарядилась священником, а другая, молоденькая, родом из Широкалехи — дьяконом.

В церковь пришли любопытствующие, в основном молодежь, чтобы стать зрителями наспех подготовленного «спектакля»: вышеназванные «артисты» стали изображать нечто вроде пародии на православное богослужение.

Видимо, старшая в свое время получила некоторое начальное религиозное образование — до революции преподавание Закона Божьего в большинстве учебных заведений было обязательным — и еще кое-что помнила, а кроме того та и другая умело импровизировали и потешались от души.

Это было вызывающее неслыханное кощунство!

Слева на заднем плане церковь свт. Николая ст. Шарья до ее закрытия

Надо пояснить, что одевались «артисты» в здании через дорогу напротив. Когда-то это был купеческий дом; единственное каменное здание, не имеющее прямого отношения к эксплуатации и обслуживанию Северной железной дороги. Впоследствии в этом здании долгие годы помещался Шарьинский городской банк.

Наконец, «представление» закончилось и довольные собой «артисты» направились в это самое здание, чтобы снять с себя священнические облачения. Но в указанное место они не пришли...

ПРАВЕДНЫЙ СУДБОЖИЙ

Ни одну из учительниц сразу не нашли. Старшую неведомой страшной силой утащило на 56-й разъезд (ныне п. Варакинский). И так она бедная бежала по железнодорожному мосту через Ветлугу, что только ноги у нее мелькали! Нашли ее в бесчеловечном состоянии, лежащей на железнодорожном пути.

Тут же вызвали врача. Им оказался отец Татьяны Алексеевны, бывшей старосты Николо-Шангского храма. Он рассказывал Татьяне Алексеевне, как ее с рельсов поднимал.

И отправили эту учительницу в Никольское, т.к. она помешалась. Однако вскоре все же поправилась, но в Шарье жить не захотела. Стыдно было знакомым людям в глаза смотреть!

А вторую найти нигде не могут. И вот спустя какое-то время после Пасхи в Шарью прибыли двое лесоустроителей нарезать делянки в лесу за Федотово. Для успешной работы им нужен был помощник из числа местных жителей, чтобы носить астролябию.

На том месте, где сейчас аэродром, было большое поле. Когда Мария Ивановна работала агрономом в совхозе-техникуме, там засевалось 32 гектара пашни.

Из Шарьи по прямой дороге через это поле лесоустроители пришли на хутор, что ближе к лесу. Зайдя в дом Крохина Никиты Ивановича, они попросили хозяина помочь им носить астролябию и, когда это необходимо, «показывать влево-вправо».

В этом доме жила тетка Екатерины Ефимовны. Она же была ей крестной матерью.

Никита Иванович согласился идти с ними. Вот идут они федотовским лесом, прокладывая прямую визу — дорожку для просеки — видят: стоит большой высокий пенек, а на этом пне дьякон сидит и хохочет!

Мужики не на шутку испугались: что это еще за привидение? Но Никита Иванович догадался, в чем дело:

— Это, ребята, вот, наверное, что... Ведь потерялась девчонка-то. И нигде ее найти не могут.

Вызвали милицию с лестницей, сняли ее... А со всех троих взяли подписание, чтобы они «язык свой зажали и никому не говорили ничего».

Многие годы Никита Иванович хранил эту опасную тайну. Но когда тяжелая болезнь приковала его к постели, и жить ему оставалось считанные дни, попросил передать Екатерине Ефимовне Панковой, что он желал бы говорить с ней.

Никита Иванович любил Екатерину Ефимовну, как родную дочь — ведь она была круглой сиротой.

— Вот, Катенька, я ни жене своей не сказал, ни детям своим, а я не сегодня-завтра умру... А вот тебе скажу... Но и ты никому не говори пока...

И он рассказал ей обо всем, что ему довелось увидеть.

В свою очередь, Екатерина Ефимовна сообщила эту необычайную историю своей дочери, Марии Ивановне, в последние дни своей жизни.

Одно время рядом с Марией Ивановной проживал уроженецд Широкалехи Ковригин Николай Александрович 1926 года рождения. Както Мария Ивановна обратилась к нему с вопросом:

— Вот, Николай, скажи, такя у вас потерялась?

— Я тогда совсем маленьким был, но слышал и хорошо помню разговоры, что потерялась какакая-то девка в деревне...

По словам Никиты Ивановича, несчастную «артистку» тут же сопроводили в дом для умалишенных и, по всей вероятности, — на это определенно указывает содержание ответа Николая Александровича — там она и закончила свои дни.

Храм закрыт и переоборудован под клуб

«Утешайте, утешайте народ Мой, говорит Бог ваш. ... Возвещайте ему, что исполнилось время борьбы его, что за неправды его сделано удовлетворение, ибо он от руки Господней принял вдвое за все грехи свои».

(Ис. 40: 1-2)

«Народ - венец земного цвета
Краса и радость всем цветам:
Не миновать Господня лета
Благоприятного - и нам».

А. Блок.

ЖИВОЕ СЛОВО

ЗОЛОТОЕ ЗЕРНО

ВЛАДИМИР СОЛОУХИН

Окончание.
(Начало в № 6)

Козловский появлялся, и около машин начиналось движение. Все рассказывались. Кроме нас, так сказать, самостоятельных участников концертов, но тоже невольно игравших роль как бы свиты при главном действующем лице, была у Ивана Семеновича и своя непосредственная свита: аккомпаниатор на пианино, молодая, милая женщина, с которой певец находился в постоянной шутильной пикировке, аккомпаниатор на скрипке, певец для дуэта, местные люди, которым поручено сопровождать, организовывать, обеспечивать.

Все это рассаживалось по машинам. Впереди черный «ЗИМ», сзади четыре «Волги».

Однако поезд не трогался с места, шла там, во флагманской машине, какая-то «торговля», и я догадывался — какая. С самого начала Козловский высказал желание (всегда настаивал на нем), чтобы я и моя жена ехали с ним в голове колонны. Мы ловчили и увливали от этой почетной обязанности вовсе не потому, что нам было бы неприятно или неинтересно, но, во-первых, потому что еще не сложилось той легкой непринужденности, когда можно и помолчать и не будет это молчание неловким и тягостным, а во-вторых, Иван Семенович, боясь за свое горло, ездил с поднятыми стеклами, и было душновато, и нелзя было по своему усмотрению опустить стекло.

Но машины не трогались с места, и все ждали, и приходилось смиряться.

— Вы знаете молодого поэта Семibrатова (фамилия условная)? — спрашивал, например, Козловский.

— Нет. А чем он хорош, что вы запомнили его имя?

— Своеобразный человек, оригинальные убеждения. И характер. Ну, как вам сказать? У меня в квартире телефон, а жить надо. Вполне понятно, что я не всегда подхожу к трубке. Бывает, что директор консерватории. Ну и что. Вы — директор, а мы тоже... Итак, вот одно то, что этот молодой человек до меня

все-таки дозвонился... Нет, вы познакомьтесь с ним, он будет вам интересен.

Иван Семенович говорил всегда тихо, вовсе не напрягая и не утомляя своего голоса. Слушая его тихий разговор, казалось странным, что в том же горле, производящем эти глуховатые, серые, пожалуй даже бесцветные звуки, может возникнуть по желанию владельца могучий, высокий, чистый радостный звук, который не похож ни на какие другие звуки и который называется в человеческом обиходе голосом Ивана Семеновича Козловского.

Причем сильный вовсе не значит — оглушительный, громкий. В одном гостеприимном доме километрах в пятидесяти от Пскова, обогреть коньячком, все пустились в самодеятельность, и одному певцу удалось совратить Козловского на дуэт. Должны были петь хорошую песню «Что затуманилась, зоренька ясная» — коронный номер певца, как выяснилось потом во время концертов.

Трудно сказать, что сыграло свою роль: вечная ли тень, в которой приходится пребывать рядовому певцу вблизи певца выдающегося, неожиданная ли возможность взять реванш сразу за все предыдущее и последующее и доказать одним махом, просто ли нервы, но певец вдруг запел так оглушительно и пронзительно, что Козловский тотчас сжал губы и дуэта не получилось.

Да, теперь незадачливый певец мог бы похвастаться, что заглушил Козловского, преодолел, перевалил его, но он не мог бы похвастаться, что пел вместе с Козловским, что их голоса слились, поддержали друг друга, обогатили и украсили.

(Почему я пишу о нем «мог бы»? Он оказался душевным человеком, и мы за эти дни подружились. Чувствовал он себя неважно. Все время обливался потом, жаловался на сердце, боялся выпить рюмку, которую в конце концов все-таки выпивал. В концертах, несмотря на плохое самочувствие, участвовал. Мы обменялись телефонами. Каково же было мое потрясение, когда, позвонив некоторое время спустя, я узнал, что Вильнис умер от инфаркта через несколько дней по возвращении из нашей поездки. Видимо, он уже носил в себе, по крайней мере, микроинфаркт, что делает его гастроли «лебединой песней» и, конечно, накладывает дополнительный трагический оттенок на несостоявшийся злополучный дуэт.)

Несколько дней мы ездили по Новгороду и окрестностям, перезнакомились, подружились до той степени,

когда появляются общие шуточки, общие объекты шуток, общие каламбуры, когда не надо объяснять, почему Ивана Семеновича мы называем между собой Семеном Ивановичем.

Наступил день концерта. Конферанс вел артист местного драматического театра. Я, право, не помню теперь его полного имени. Среди нас он был просто Мишей. Выступали певцы и певицы, выступали скетчисты и чтецы, выступали скрипачи и поэты, но все понимали, что зал битком не ради флейтиста Градова (фамилии условны), не ради арфистки Барцевой, не ради чтеца Калугина, не ради московской и мировой знаменитости, обозначенной на афише большими красными буквами, распростертыми над двумя столбцами остальных мелких букв.

И прошло первое отделение концерта и прошла добрая треть второго отделения, когда Миша решительно подошел к рампе и все почувствовали, что наступил тот самый момент.

— Выступает... — Миша, делая короткие, но многозначительные паузы после каждого слова. — Солист... Государственного Большого... академического театра... — голос Миши все набирал и набирал звонкость, — народный артист... Советского Союза... Лауреат Государственных премий... — Миша сделал паузу больше и многозначительнее предыдущих пауз, набрал полную грудь воздуха и торжественно, четко провозгласил: — Семен Иванович Козловский!

Зал оглушительно взорвался аплодисментами, и то, что кто-то из наших прямо-таки по-пороссячи завизжал от восторга, и кто-то другой из наших начал сползать с кресел, не имело для зала никакого значения. Публика едва ли заметила оговорку Миши (весь концерт он только и думал о том, как бы не ошибиться, потому и ошибся), а если кто и заметил, то пока хотел на секунду усомниться в себе (неужели Семен Иванович?), аплодисменты уже гремели.

Козловский вышел на сцену во фраке, в ослепительной манишке, вышел как ни в чем не бывало и только во время всего концерта смотрел сквозь бедного Мишу, как будто тот был прозрачен или как будто его вовсе не было. А между тем общаться на сцене им было необходимо, ибо приходилось Мише подходить к певцу и подставлять ухо, а певец должен был в это ухо шепнуть название следующего номера.

Зал онемел. Активисты Новгорода, получившие билеты через свои учрежде-

ственные работники, жены ответственных работников, служащие ателье и продовольственных магазинов, парикмахерши и работники Горпита, представители заводской интеллигенции и речного хозяйства, автобаз и строительно-монтажных управлений, сельхозтехники и ремонтных мастерских, музейные работники и врачи, библиотекари, педагоги и аспиранты, бывшие работники, а теперь пенсионеры сидели не шевелясь в ожидании первой ноты, первого звука голоса, знакомого им с детства по радио, патефоном, а позже — магнитофоном и проигрывателям.

Семидесятилетнему человеку (если предстоит петь почти целое отделение) не зорно думать о распределении сил. Первая музыкальная фраза вместе с волшебными словами «Я помню чудное мгновенье» возникли почти из шепота. Но все равно и шепот был слышен в самых отдаленных уголках большого зала, и только к концу романа певец позволил себе прибавить немного голоса, но зато какой из этого получился эффект! Слово чистое пламя просверкнуло в красноватом дыму.

Следующий романс — «Белеет парус одинокий» — пелся уже погромче. Потом мы увидели театрализованное представление, и нам стали понятны репетиции Ивана Семеновича, на которые он тратил каждый день утренние часы. Оказывается, он пригласил для участия в концерте четырех девочек из местной музыкальной школы, четырех юных скрипачек. На сцене стало темно. Один луч освещал исполнительницу, другой — Козловского в дальнем углу сцены, черно-серебряного, с руками, скрепленными на груди. Четыре скрипки запели булаховский романс, и каждый про себя подставлял под льющую музыку известные всем слова: «Гори, гори моя звезда, звезда любви приветная...»

Скрипки пели протяжно и долго. Козловский слушал и вдруг опустился на колени и протянул руки в сторону музыки. То ли перед поющими скрипками преклонился он, то ли перед расцветавшей молодостью, то ли перед великим романсом, но продолжалось все это еще довольно долго, пока наконец совсем незаметно, но постепенно нарастая и беря власть, беря верх над четырьмя скрипками, не возник голос и самого коленапреклоненного певца и никто не успел еще вполне послушаться, как все потонуло в громе аплодисментов.

Девочки стояли растерянные и самые счастливые на всем земном шаре. Козловский подошел к ним и к каждой прикоснулся каким-нибудь ободряющим жестом, дотронувшись до волос, до щеки, пожав руку. Теперь уж как бы ни сложилась судьба, через тридцать, через сорок лет, в минуту обиды и счастливых воспоминаний, каждая из них скажет кому-нибудь:

«Милочка, я на скрипке аккомпанировала Козловскому, когда мне было 12 лет!»

Занавес шел и шел. Козловский бисировал. А я слушал и думал с горечью: неужели, несмотря на все безрежение, на рубашки со специальными гигиеническими воротничками, на опущенные стекла в автомобиле, на весь ответственный образ жизни, неужели семьдесят лет и настоящего Козловского я услышу теперь только в грамзаписи, да и то если не заиграет пластинка и в отличном состоянии корундовая игла?

На другой, послеконцертный день мы с Козловским, отделившись от остальной группы, поехали в Юрьев монастырь.

Некогда богатейшая, процветающая под золотым покровительственным дождем Орловой-Чесменской, опекаемой, в свою очередь, архимандритом Фотием, Юрьева обитель теперь бездействовала, была пуста. Ни сказочных сокровищ (например, иконы «Знамение», вырезанной на огромном изумруде), ни монашеского чина, ни монастырских трапез, ни больших ектений, ни громыхавших дьяконов, ни колокольного звона, расплывавшегося над Ильмень-озером не на двадцать ли верст...

Теперь была лишь ровная, зеленая травка, а на ней белокаменная постройка. Монастырская стена с башнями, посередине грандиозный, второй после новгородской Софии, Георгиевский собор. Так умерший человек все еще сохраняет для живых, смотрящих на него, черты похоти и все как будто осталось прежним: и нос, и подбородок, и руки, но к чему нам обманывать самих себя, человек мертв и холоден, и внешнее подобие его есть самая вопиющая ложь.

Пожилая женщина, гремя ключами, открыла нам Георгиевский собор, и мы вошли в холодное, настоявшее пространство, ограниченное высоко вверху расписным куполом, а справа от нас иконотасом высотой не с восьми ли этажный дом?

Ключница осталась внизу, а мы по тесной винтовой лестнице поднялись на хоры. Наверное, они соответствовали четвертому, а то и пятому этажу, но и над ними было много еще высоты: добрая половина иконотаса, против которого мы стояли, а выше иконотаса купол, а выше купола пустой барабан — одного его хватило бы на небольшую церковь.

Мы стояли на хорах одни, и не было во всем соборе ни души, ни живого духа. Внизу должна была оставаться еще и ключница, но мы ее не видели, и она как бы не существовала для нас.

Молчали мы каждый о своем, но, надо полагать, что во многих местах молчание наше совпадало, а тишина собора способствовала ему и даже, кто знает, — направляла его в нужную сторону.

И вот тишина поплыла как перетянутая струна, но только без надрывного струнного звука, но тотчас другая живая и крепкая струна зазвучала и мгновенно наполнила звучанием весь огромный собор. Волна восторга расплеснулась во мне от сердца к глазам и горлу. «Ныне отпущаеши...» Рахманиновский вариант известного песнопения был взят сразу и во всю силу «Раба, Твоего, Владыко...» Акустика ли собора способствовала впечатлению, сама ли необыкновенная минута, необыкновенное душевное настроение, но, может быть, Козловский никогда еще в жизни не пел так красиво и вдохновенно... — «по глаголу Твоему... с миром... яко видеста очи мои спасение Твое...»

Если правда, что аудитория вдохновляется, то что же за аудиторию держал сейчас певец перед полузакранными глазами своими. Голос его лился золотым ослепительным светом, и камни собора, разбуженные и ожившие, каждой песчинкой резонировали ему. «Еже еси уготовал пред лицем всех людей свет во откровение языков...»

Внизу старуха с ключами плакала и бросилась было в ноги певцу, но Козловский поднял её и успокоил, погладив по плечу:

— Ничего, ничего, бабуся. Запри за нами. Спасибо тебе. Мы пойдем.

...Вот жизнь и подарила мне одно из самых своих лучших впечатлений, из таких впечатлений, которые лежат в памяти золотыми зёрнами и которых, вообще-то говоря, накапливается за жизнь не так уж много.

Но, извлекая на свет, напоказ людям, каждое такое зерно, приходится все равно извлекать весь колос многих, сопутствующих ему впечатлений, хоть и знаешь из практики молотьбы, что большая часть объема колоса — простая мякина.

...Вечером снова был концерт, и Миша не ошибся на этот раз, и Козловский снова пел разные романсы, и новгородские рабочие и служащие снова яростно аплодировали ему.

«где Бог, Творец мой, Который дает
песни в ночи, Который... вразумляет нас
более, нежели птиц небесных?»

(Иов. 35: 10-11)

«Народу нужен стих таинственно родной,
Чтоб от него он вечно просыпался»

О. Мандельштам

ПЕСНИ СЕРДЦА

ВИКТОР КОНСТАНТИНОВ

Виктор Иванович Константинов родился и жил в Москве. В 50-летнем возрасте переехал на постоянное жительство на родину своих предков в нежилую деревню, затерявшуюся среди лесов на окраине Парфеньевского района. Сказать, что живет он трудной жизнью – значит ничего не сказать. Случается, по полгода в деревне нет электричества, зимой до людей можно добраться только на лыжах... Наверное, чтоб вызрела душа надо, пройти через чистилище трудностей. Виктор Иванович живёт духовно богатой эмоциональной жизнью высокого накала и дарит людям свет своим творчеством. Он поэт, художник, лингвист, исследователь, этнограф, иконописец, резчик по дереву... В районной библиотеке в Парфеньеве была выставка его работ: картины, пейзажи, макеты местных церквушек и часовенок, оригиналы которых время превратило в прах. Многие из этих церквей сохранились лишь на старых фотографиях, он возродил это

чудо зодчества для потомков.

Изумительные вещи умеет делать Виктор Иванович! Из круглого куска ствола молодой берёзы выгачивает колоколенки и церковки, оставляя нетронутой нижнюю и заднюю часть ствола: словно стоит на снегу в чистом сиянии чудо-церковь, с розово-золотыми куполами на фоне солнечной сердцевины святой русской берёзы...
Пять лет наблюдаю за Виктором Ивановичем и хочется низко поклониться ему за то упорство, с которым он стремится укрепить упавших духом земляков. И верю я: воспрянет Россия! От малой свечи родится большой огонь любви и патриотизма. Почин подвиг одиночек, победных В. Константинову победит.
Стихи Виктора Ивановича – это духовный концентрат, калорийная пища для души. Он член Союза писателей России. Читайте и чувствуйте, как светлее становится в мире.

Т. ИНОЗЕМЦЕВА

Труд мой уходит в песок, в никуда,
и все-таки я остаюсь.

Небо закрыто сплошной пеленой,
лес не привык выбирать,
он умирает перед зимой,
но остается стоять.

В русском пейзаже, в дали золотой
есть непонятная грусть.
Вольные строки из книги лесной
я затвердил наизусть.

Над опустевшей землей в небесах
птицы летят, ну и пусть.
Черные борозды строк на полях,
и все-таки я остаюсь.

Небо закрыто сплошной пеленой.
Я затвердил наизусть
вольные строки из книги земной –
все-таки я остаюсь.

Играет радио в квартире,
на кухне тикают часы.
Открыта форточка пошире
для заблудившейся осы.

Счастливых лет воспоминанье.
Родных людей беспечный круг.
И будущее в золотом тумане,
без нескончаемых разлук.

Мы улыбаемся на фото.
Сидим в рядок плечом к плечу.
Смотрю и плачу отчего-то
и утешений не хочу.

Прощайте близкие, родные.
Я не объеду всех могил.
Вы все во мне, и все живые.
Я счастлив тем, что с вами жил.

ЯБЛОКО ГРАНАТА

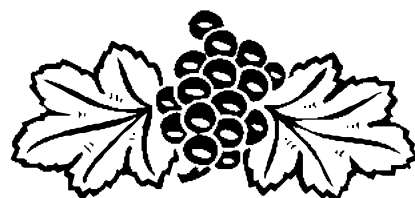
Когда стоит ненасть на дворе,
не сами ли мы в этом виноваты?
А на столе, на скатерти – гранаты
в сухой шершавой грубой коже.

Мы вместе выпьем райские плоды.
Сомной отдай сладостного сока.
А в зернах сохраняются до срока
плоды другие, новые сады.

Все то, что есть, что будет, что живет,
зерну подобно, яблоку граната –
и век, и год, и книга, и соната,
и человек, и город, и народ.

И слово тоже, легкому зерну
подобное,
вдруг силу набирает,
как дерево незримо вырастает,
пускает корни вверх и корни – в глубину.

Суровый климат в нашей стороне.
Опять холодный ветер завывает.
Но дерево, растущее во мне,
поющих птиц на ветках укрывает.

Господи Боже, кто же поможет?
Криком кричу – не отрекусь.
Я не покину, в несчастье не брошу
милую родину – грешную Русь.

Ни одного уцелевшего дома,
но возвращаюсь всему вопреки.
Деревня исчезла, но в сумерках темных
вокнах, я вижу, зажглись огоньки.

ВИДЕНИЕ В СЕЛЕ ГОРЕЛЕЦ (7 июля 1992 г.)

В сиянье рассвета и дымку ополья,
в дремотную свежесть пустых деревень
нежданно смолчавшей давно колокольни
слетело, как голубь, негромкое – день-нь-нь..!

Над бывшим селом, над речушкой заросшей,
над зеленой буйной, прикрывшей разгром,
над брошенным кладбищем, лугом заглохшим
другой раз ударило сильное – бом-м-м..!

И вот над быльем, над непаханным полем
(я сам не пойму – то ли явь, то ли сон?),
над лесом дремучим, над русским раздольем,
над спящею Русью разнесся трезвон.

Откуда ни взявшийся в грешной России
Звонарь выбивает – динь-день, динь-день-дон!
И людом наполнились избы пустые,
и в поле расцвел синим маревом лен.

А в воздухе свежем – звонарь все выводит –
так чисто, так ясно – динь-день, динь-день-дон!
И сами собой просветлели в киоте
оклады и краски потухших икон.

В польни, в бурьяне прорезались грядки,
Стога поуставились, выкошен склон,

Подправились срубы... Уже на супрядках,
кружась, зажуужали волчки веретен.

Прохожие крестятся с низким поклоном,
как в веру исконную, входят в село.
Ну слава Те, Господи! С верой и звоном
в обратную сторону время пошло!

Когда в пробудившейся дымке ополья
сияющим светом наполнился день,
нежданно смолчавшей давно колокольни
ударил мягко негромкое – день-нь-нь..!

Мир, завершая эпоху анализа,
Преображает свой вид,
И на компьютере в лаборатории
Ветка сирени лежит.

Век электроники, робототехники,
Душных больших городов,

«Но Иисус сказал: пустите детей и не препятствуйте им приходить ко Мне, ибо таковых есть Царство Небесное».

(Матф. 19:14)

«О детство! Ковш душевной глубин!»

Б. Пастернак

СВЕЧЕЧКА

ЛЕОНИД ЧЕРСКИЙ ХРИСТОСЛАВЫ

В воздухе веяло весной. От веселых ласкающих лучей мартовского солнца лежавший на земле и на вершинах гор снег чернел и плакал старческими слезами. Эти холодные слезы с звонким шумом убегали по горным скатам и, дружно сливаясь, бурным потоком бросались вниз, в деревушку Бандзури. А жаворонки встречали эти потоки веселыми песнями.

На краю деревушки, в покрывшейся от старости и прокопченной дымом сакле*, было печально и тихо. В углу, у окна, лежал мальчик лет двенадцати в изодранном бешметике*, плохо прикрывавшем его худенькое тело. Он лежал неподвижно, не спуская глаз с окна, за которым весна и цвела, и сыпала, и пела.

Мальчик прислушивался к песням птичек, слабо улыбался и спрашивал мать, сидевшую у его ног:

– Мама, это скворцы поют?

– Да, Нико, скворцы, – грустно говорила старая Като, склонившись над мальчиком. – Хочешь, я помогу тебе подняться? Посмотри, как там хорошо!

– Нет, мама, я лучше так полежу...

А скворцы все еще весело и задорно заливались над окном, напоминая больному Нико голубое небо, нежные звуки зурны* – все, что он так любил.

Измученная бессонными ночами, около мальчика прикорнула мать Нико, одной рукой обхватив его. Невеселые мысли проносились в голове Като. Завтра – Светлый праздник, а в сакле нет ничего. На дне деревянного ящика лежал кусок черствого хлеба, а в высоком глиняном горшке было несколько ложек супа из фасоли. Это было все, чем мать с сыном могли разговеться. Правда, она могла пойти к соседям и попросить у них немного муки и яиц, но страх за сына удерживал ее дома.

Тихо догорал ясный весенний день... Свежий ветерок покачивал верхушками стройных

тополей, окружавших саклю. Издалека, с разных концов, доносились бляенные, мычание, иногда и ржание коня. Женщины, с кувшинами на плечах, потянулись к реке. Пастухи загоняли скотину по дворам. Постепенно замирали все звуки, и светлая ночь незримо и тихо спускалась на засыпающую землю.

II

В нескольких верстах от Бандзури, на вершине горы, стояла деревушка Месхи. При спуске оттуда у непривычного путника кружилась бы голова; но несколько мальчуганов двигались по крутой тропинке с легкостью горных серн. Впереди всех, как самый старший, шел Илико, мальчик лет четырнадцати, высокий и стройный, с целой шапкой золотистых волос и серыми, живыми глазами. Единственный сын слепого пахаря, он жил впроголодь, одет был в лохмотья, но всегда был весел и добродушен.

В Великую субботу по деревням Грузии мальчики ходят по домам и славят Христа, получая за это от поселян яйца, хлеб, сыр, а иногда и деньги. Каждый год Илико собирал своих товарищей и обходил с ними сакли своего родного села, а потом спускался в соседние деревни.

Лица славильщиков были возбуждены; глаза радостно сияли. Они только что кончили обход своей деревушки и теперь решили отдохнуть на полянке, прежде чем идти в Бандзури.

– Я продам свою долю и куплю себе у еврея чувяки*, – мечтал вслух худой босоногий Вассо.

– А я себе шаровары новые куплю! – важно сказал десятилетний Михако, на котором были штаны, спитые из двух чехлов от круглых подушек.

Позади всех тащился Датико, краснощекий карапуз, в изорванном архаку* и старой шапочке. Он с трудом держал корзину, полную яиц, хлеба и сыра.

Илико, как старший, хранил собранные деньги.

Мальчуганы расположились на полянке, всего в нескольких минутах ходьбы от Месхи, с удовольствием растянувшись на мягкой траве. Прямо перед ними, облитые бледно-голубым светом луны, высились вершины снежных гор, извивалась широкой лентой река, кото-

рую им предстояло перейти по старому покрывшемуся мостику, белела маленькая церковка, окруженная деревьями. Легкий шелест листьев порой проносился в воздухе таинственным шепотом.

– Ну, пора отправляться! – вставая, сказал Илико. – Начнемте с крайней сакли Като...

– Много она тебе даст! – засмеялся Вассо. – Самой есть нечего!

– Яйцо-то будет! – возразил Датико.

Скоро группа славильщиков подошла к сакле Като и, став под окошком, запела дружным хором.

Мягкий, приятный голос Илико сливался с высокими голосами его товарищей. И казалось, что голоса эти, чистые, ясные, слегка дрожащие, шли из глубины таких же ясных и чистых сердец.

В сакле Като было тихо; никто не отзывался. Бедная женщина сквозь сон услышала пение, но не сразу сообразила, где поют. Она приподнялась и прислушалась. Потом, вся в слезах, встала и вышла из сакли.

– Нашли кого поздравлять! – крикнула Като на славильщиков. – Нико болен... Дома есть нечего!..

Смущенные певцы разом оборвали пение и несколько мгновений стояли в смущении.

– Ну, пойдете... – тихо сказал Илико.

Они поклонились Като и молча отошли от сакли.

III

Голубая, прозрачная мгла висела в воздухе. Кружевные тени деревьев покрывали дорогу. Мальчики шли с веселым говором. Далеко отстал от них Илико. Он о чем-то серьезно думал.

«Я здоровый», – думал он, – «и горя такого у меня нет... А Като? Говорит, что есть нечего... значит, и разговеться нечем... А если еще и Нико умрет...»

– Илико! Илико! Иди скорее! – доносился до него крики товарищей.

Он прибавил шагу и скоро поравнялся с ними. Мальчики только что подошли к реке и стояли, как вкопанные, не спуская восхищенных глаз с шумного потока, который несся перед ними, алмазной пылью разбиваясь о камни.

– Что, братцы, не пора ли домой? Скоро рассвет начнется! – предложил Илико, все еще погруженный в свои думы.

– Что же, домой, так домой, только сначала поделимся, – отозвался Датико.

Перед вами крестословица, если разгадаете ее, то узнаете, как приветствуют на пасху друг друга христиане:

1. Что отсек апостол Петр одному из стражников?
2. Он рыбной ловлей промышлял, Потом Господь его призвал. Он бросил сети и пошел, Куда Господь его повел. Старался быть всегда при Нем, Горел к Нему любви огнем, За зло всегда платил добром. Зовут апостола ...
3. За серебро Христа продал, Хотя спасенья путь познал, Предатель он, известен люду, Зовут предателя ...
4. Праздник воскресения Христа.
5. Когда обнаружилось, что Иисус Христос воскрес?
6. Гора, на которой распяли Спасителя.
7. Город, в котором пострадал Христос.
8. Что надели Иисусу на голову перед распятием?
9. Как называется вещество, которым

– Хорошо, поделимся! – сказал Илико, опускаясь на срубленное дерево, верхушка которого купалась в реке. – Только вот что: от своей доли я отказываюсь, отдам ее Като... Несчастнее ее нет теперь человека!..

Мальчики переглянулись. – Нехорошо это вышло, что мы пропели у нее под окном... – с упреком сказал Вассо.

– Да кто же знал, что Нико болен? – будто оправдывался перед кем-то Илико.

– Я тоже свою долю отдам Като! – весело отозвался Михако.

– И я! И я! – воскликнули остальные мальчики.

– Коли так, – обратился к ним Илико, – не будем ничего делить, а все отнесем к ней!

Минуту спустя, Илико с товарищами, все радостные и довольные, шагали обратно по дороге в Бандзури.

Илико осторожно постучался в дверь сакли Като. Внутри кто-то завозился и встал. Дверь скрипнула, и на пороге показалась Като, с недоумением разглядывая нежданных гостей.

– Христос воскрес, Като! – взволнованным голосом сказал Илико и потянулся поцеловать ее в щеку.

– Воистину воскрес, – прошептала она.

– Вот, мы насадили яиц, сыра, хлеба, денег немного; пожалуйста, бери все это! – смущенно сказал Илико, одной рукой указывая ей на корзину, а другой вытаскивая из-за пазухи кисет с

деньгами. Като стояла неподвижно, не говоря ни слова.

– Бери же, – тихо сказал Датико. – Да опорожни корзину, домой нам пора.

– Спасибо вам, детки. Спасибо и тебе, Илико! Больше Като не могла вымолвить ни слова. Лепта* бедных, оборванных детей была светлым лучом в ее горе. Истрадавшее сердце дрогнуло, и по щеке прокатилась слеза. И легче стало на душе.

А через растворенную дверь в саклю глядела ясная заря, одинаково для всех, и богатых, и бедных, разливавшая свой кроткий свет...

ПРИМЕЧАНИЯ

Сакля – хижина, избушка на Кавказе

Бешмет – верхняя, обычно стеганая, одежда на Кавказе и в Средней Азии

Зурна – духовой музыкальный инструмент на Востоке

Чувяки – мягкая кожаная обувь без каблуков

Архаку – недлинное, верхнее мужское пальто, полукафтан

Лепта – древняя еврейская мелкая монета. Здесь – небольшое посылное подаяние

помазали тело Спасителя после того, как Его сняли с креста?

10. За нас на смерть Себя отдал И на кресте за нас страдал, За нас Он умер и воскрес, Потом вознесся в синь небес. Теперь к вам, дети, мой вопрос: Зовут Спасителя ...

11. Орудие казни, на котором пострадал Спаситель.

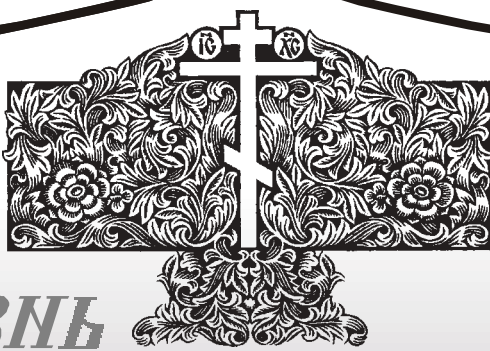
12. За сколько сребренников продал

Иуда Христа?

13. Что закрывало вход в пещеру, где был похоронен Спаситель?

14. В какой день недели празднуется Пасха?

15. Время года, когда мы празднуем Пасху.

ЦЕРКОВНАЯ ЖИЗНЬ

В ХРАМЕ СВЯТИТЕЛЯ НИКОЛАЯ

г. Шарьи

АПРЕЛЬ

26 СБ – 23ч.45м.	Крестный ход.
27 ВС – 00ч.	Торжественное пасхальное ночное богослужение.
– 9ч.	Пасхальная Утреня.
– 15ч.30м.	Великая Вечерня. Христосование.
29 ВТ – 16ч.	Пасхальная Вечерня и Утреня.
30 СР – 8ч.30м.	Пасхальная Божественная Литургия.

МАЙ

1 ЧТ – 16ч.	Пасхальная Вечерня и Утреня.
2 ПТ – 8ч.30м.	Пасхальная Божественная Литургия с водосвятным молебном.
– 16ч.	Пасхальная Вечерня и Утреня.
3 СБ – 8ч.30м.	Пасхальная Божественная Литургия. Раздробление Артоса.
– 16ч.	Всенощное бдение.
4 ВС – 8ч.30м.	Божественная Литургия. Антипасха, ап. Фомы.
– 16ч.	Акафист Воскресению Христову.
5 ПН – 16ч.	Вечерня. Утреня.
6 ВТ – 8ч.30м.	Божественная Литургия. Радоница. Вмч. Георгия Победоносца.
9 ПТ – 9ч.	Панихида. Поминование усопших воинов.
– 16ч.	Вечерня. Утреня.
10 СБ – 8ч.30м.	Божественная Литургия.
– 16ч.	Всенощное бдение.
11 ВС – 8ч.30м.	Божественная Литургия. Святых жеммироносиц (православный женский день).
– 16ч.	Акафист Воскресению Христову.
12 ПН – 16ч.	Вечерня. Утреня.
13 ВТ – 8ч.30м.	Божественная Литургия. Свт. Игнатия Брянчанинова, еп. Кавказского.
16 ПТ – 16ч.	Вечерня. Утреня.
17 СБ – 8ч.30м.	Божественная Литургия.
– 16ч.	Всенощное бдение.
18 ВС – 8ч.30м.	Божественная Литургия. Неделя о расслабленном.
– 16ч.	Акафист Воскресению Христову.
20 ВТ – 16ч.	Всенощное бдение.
21 СР – 8ч.30м.	Божественная Литургия. Св. ап. Иоанна Богослова. Преполовление.
– 16ч.	Всенощное бдение с литией. Божественная Литургия. Святого и Чудотворца Николая. Престольный праздник нашего храма.
23 ПТ – 16ч.	Вечерня. Утреня.
24 СБ – 8ч.30м.	Божественная Литургия. Равноап. Кирилла и Мефодия.
– 16ч.	Всенощное бдение.
25 ВС – 8ч.30м.	Божественная Литургия. Неделя о самаряныне.
– 16ч.	Акафист Воскресению Христову.
27 ВТ – 16ч.	Вечерня. Утреня.
28 СР – 8ч.30м.	Божественная Литургия. Прп. Пахомия Нерехтского.
30 ПТ – 16ч.	Вечерня. Утреня.
31 СБ – 8ч.30м.	Божественная Литургия. Равноап. Кирилла и Мефодия.
– 16ч.	Всенощное бдение.

ИЮНЬ

1 ВС – 8ч.30м.	Божественная Литургия. Неделя о слепом.
– 16ч.	Акафист Воскресению Христову.
2 ПН – 16ч.	Вечерня. Утреня с полиелеем.
3 ВТ – 8ч.30м.	Божественная Литургия. Владимирской иконы Божией Матери.

Внимание!

В газете используется Православная символика!

В связи с этим убедительная просьба не использовать ее в хозяйственных целях.

НОВОСТИ

27 марта
совершалось празднование
Феодоровской иконы
Божией Матери.

На праздник в Кострому пришло много гостей, среди которых Блаженнейший Владимир, митрополит Киевский и всея Украины, епископ Вышегородский Павел и епископ Архангельский и Холмогорский Тихон. 26 марта в Свято-Троицком храме Ипатьевского монастыря был отслужен торжественный молебен, на следующий день состоялась праздничная литургия в Богоявленском кафедральном соборе и трапеза в Костромской Духовной Семинарии.

СЛАВА БОГУ ЗА ВСЕ!

Существует рассказ о протестантском пасторе, который посещая больных, зашел в больницу для душевнобольных. Здесь один из пациентов, у которого, очевидно наступила минута умственного просветления, подошел к пастору и спросил его: «Вы благодарили когда-нибудь Бога за свой рассудок?».

От такого неожиданного вопроса остолбенел пастор. Нет, никогда ему не приходило на ум благодарить Бога за такое очевидное дарование. Только здесь в больнице, видя вокруг себя такое количество несчастных душевнобольных людей, он понял, что разум – это великий Божий Дар!

Пастор тут же обещал больному и самому себе, что он будет ежедневно благодарить Бога за свой здравый рассудок.

Этот случай в жизни пастора отмечает общую черту человеческого отношения к жизненным благам, само собой разумеющееся.

Редко кто из людей благодарит Своего Создателя, Который постоянно о нем заботится и посылает ему бесчисленные материальные и духовные блага.

В минуты испытаний многие унывают, ропщут. Но надо понять, что Господь иногда допускает, чтобы с нами случались неприятности и скорби не потому, что Он забыл нас или хочет наказать нас. Нет!

Он допускает их, как горькое, но необходимое лекарство, исцеляющее нас от гордости, легкомыслия, самонадеянности, самолюбия и других недостатков.

Понимая это, великий Святой Иоанн Златоуст на закате своих дней говорил: «Слава Богу за все, а особенно за скорби!».

Будем же стараться ежедневно, в особенности по Воскресным дням, благодарить своего Создателя и Спасителя – это послужит превосходным лекарством для нашей души.

ПРЕЗЕНТАЦИЯ КНИГИ

9 апреля состоялась презентация новой книги о замечательном древнем храме г. Костромы: «Церковь пророка Божия Или на Городище в Костроме», изданной к 350-летию возведения в камне в 1652 г.

История храма тесно переплетена с событиями старообрядческого раскола. Мы встречаем на страницах этой книги имена царя Алексея Михайловича, боярыни Феодосии Морозовой, княгини Урусовой и многих других. В 1947 г. храм закрыт. В 1990 г. Ильинский храм был возвращен Костромской епархии. В воскресенье 27 мая того же года епископом Костромским и Галичским Александром было совершено первое после закрытия храма богослужение.

ПРАВОСЛАВНАЯ БИБЛИОТЕКА

организует показ видеофильмов на православные темы:

среда и суббота в 14 ч.,
воскресение в 13ч.30м. - для воскресной школы.

Приглашаются все желающие.

Тематика фильмов:

- с 1 по 4 мая — "Богом данная" о жизни и чудесах матушки Матроны,
- с 5 по 11 мая — "Острова Православия",
- с 12 по 18 мая — "Зов князя Юрия",
- с 19 по 25 мая — "Святой благоверный князь Андрей Боголюбский",
- с 26 по 31 мая — "Мироточение икон".

(возможен показ фильмов по заявкам учебных заведений)

ПРАВОСЛАВНЫЙ МЕТОДИЧЕСКИЙ ЦЕНТР

При Шарьинском Свято-Никольском храме действует Православный методический центр.

Здесь каждую субботу с 14 ч. до 16 ч. Вы можете получить квалифицированную консультацию по всем интересующим вас духовно-нравственным вопросам.

Приглашаются преподаватели учебных заведений и все желающие.

Наш адрес:

г. Шарья, ул. Октябрьская, д. 33
(рядом с автобусной остановкой «Центр»).

тел. 2-40-01

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Священник Димитрий Степанов.
Священник Вячеслав Королев.

В. Овчинников
М. Баклушин
О. Степанова

Редактор ШЕВЕЛЕВА Нина Александровна

Православная газета города Шарьи, Костромской области

НАШ АДРЕС :
Адрес редакции: Шарья, ул. П. Морозова, 6, приход Святого Николая. Ждем отзывов и пожеланий читателей.
Тел. 2-18-53.

Печать офсетная. Отпечатано в ОГУП "Шарьинская типография".

Заказ 3502. Тираж 999.
Объем 1 печатный лист. Время подписания в печать 17.00 Подписано в печать в 13.00.